Прямое действие Конституции Российской Федерации и ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина в контексте судебной практики

КОЛОСОВА Нина Михайловна, главный научный сотрудник отдела конституционного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук

Россия, 117218, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34

E-mail: const@izak.ru

Статья посвящена исследованию ограничений конституционных прав и свобод в контексте прямого действия Конституции Российской Федерации. Высказана позиция, в соответствии с которой федеральный закон должен соответствовать установленным Конституцией формулировкам, когда происходит предусмотренное ее ч. 3 ст. 55 ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина. Проанализированы научные споры о соотношении категорий «ограничение» и «лишение», а также «ограничение» и «умаление» прав человека. Умаление прав, как и их отрицание, есть лишь одна из форм или способов их ограничения как конституционной ценности. Соответственно, требования ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации применимы не только к ограничению, но и к умалению или отрицанию конституционных прав и свобод человека и гражданина. Лишение прав — это крайняя форма ограничения.

В качестве примера рассмотрены избирательные права и право на жизнь. Исследованы соответствующие решения Конституционного Суда Российской Федерации. Так, критично рассмотрено его постановление от 19 апреля 2016 г. № 12-П, в соответствии с которым федеральный законодатель правомочен предусмотреть иные ограничительные условия осуществления избирательных прав в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Вывод: полномочия законодателя ограничены прямым действием Конституции Российской Федерации. В рамках обеспечения прямого действия Конституции избирательные права граждан Российской Федерации могли бы быть в дальнейшем ограничены исключительно для достижения целей, предусмотренных ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации. Одна из таких целей — устранение из избирательного списка граждан Российской Федерации, которые могут исказить коллективную волю народа.

Ключевые слова: прямое действие Конституции Российской Федерации, лишение прав, ограничение прав, умаление прав, отмена прав, отрицание прав, право на жизнь, приостановление прав, избирательные права, геномные исследования, Конституционный Суд Российской Федерации.

Для цитирования: Колосова Н. М. Прямое действие Конституции Российской Федерации и ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина в контексте судебной практики // Журнал российского права. 2019. № 8. С. 36—47. DOI: 10.12737/jrl.2019.8.4

Direct Action of the Constitution of the Russian Federation and the Restriction of Constitutional Rights and Freedoms of Man and Citizen in the Context of Judicial Practice

N. M. KOLOSOVA, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow 117218, Russian Federation

E-mail: const@izak.ru

The article is devoted to the study of restrictions of constitutional rights and freedoms in the context of the direct effect of the Constitution of the Russian Federation. The position is expressed in accordance with which federal law must comply with the wording established by the Constitution of the Russian Federation when there is the stipulated in part 3 of Art. 55 of the Constitution of the Russian Federation restriction of constitutional rights and freedoms of man and citizen. Scientific debates on the relationship between the categories of "limiting and depriving human rights" are considered. Humiliation, as well as denial of rights, is only one of the forms or methods of their restriction as a constitutional value. Accordingly, the requirements of part 3 of Art. 55 of the Constitution of the Russian Federation are applicable not only to restriction, but also to derogation or denial of the constitutional rights and freedoms of man and citizen.

Examples include electoral rights and the right to life. It is concluded that deprivation of rights is an extreme form of limitation. The relevant decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation are analyzed. Thus, the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 19, 2016 No. 12-P was considered according to which the federal legislator is entitled to provide for other restrictive conditions for the exercise of voting rights to the extent necessary to protect the foundations of the constitutional order, morality, health rights and legitimate interests of other persons, to ensure the defense of the country and the security of the state.

It is concluded that the powers of the legislator are limited to the direct effect of the Constitution of the Russian Federation. In the framework of ensuring the direct effect of the Constitution of the Russian Federation, the electoral rights of citizens of the Russian Federation could be further limited solely in order to achieve the goals stipulated by part 3 of Art. 32 of the Constitution of the Russian Federation. One of these goals is the elimination from the electoral list of citizens of the Russian Federation who can distort the collective will of the people.

Keywords: direct effect of the Constitution of the Russian Federation, deprivation of rights, restriction of rights, impairment of rights, cancellation of rights, denial of rights, right to life, suspension of rights, electoral rights, genomic research, Constitutional Court of the Russian Federation.

For citation: Kolosova N.M. Direct Action of the Constitution of the Russian Federation and the Restriction of Constitutional Rights and Freedoms of Man and Citizen in the Context of Judicial Practice. *Zhurnal rossijskogo prava* = *Journal of Russian Law*, 2019, no. 8, pp. 36—47. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2019.8.4

Актуальность проблемы ограничения прав и свобод человека и гражданина обусловлена во многом ее включенностью в теорию свободы как основы правового государства. Диалектика свободы и ее пределов находит отражение в Конституции РФ, что требует научного осмысления.

Конституция как совокупность норм и как любая система содержит инструменты (способы) самозащиты (верховенство Конституции, неотчуждаемость основных прав и свобод человека и др.) своих ценностей. В настоящем исследовании рассмотрим только прямое действие Конституции РФ в качестве одного из таких способов защиты прав и свобод человека и гражданина от чрезмерных ограничений.

Конституция РФ согласно ее ч. 1 ст. 15 имеет прямое действие, что

означает право судов в своих решениях при рассмотрении дел ссылаться на конкретную статью Конституции. Особенно это присуще Конституционному Суду РФ, так как обеспечение прямого действия Конституции РФ — одно из важных целевых особенностей Суда¹. Поэтому исключительно на его позициях сконцентрируем внимание в процессе анализа судебной практики. Прямое действие конституционных норм, в том числе в отношении прав и свобод человека и гражданина, дифференцированно. Некоторые из них, действуя непосредственно, конкретизируются в отраслевом законодательстве. Другим нормам это не требуется.

---

¹ См.: Хабриева Т. Я. Конституция как основа законности в Российской Федерации // Журнал российского права. 2008. № 3. С. 10.

Прямое действие Конституции РФ не исключает в дальнейшем принятия федерального закона. Более того, в ряде статей Конституции предусмотрена такая необходимость. В этих случаях прямое действие Конституции проявляется в том, что конкретизирующий конституционную норму закон не должен противоречить Основному закону. Прямое действие Конституции также должно означать, что федеральный закон не может выходить за пределы установленных Конституцией формулировок, когда происходит предусмотренное ч. 3 ст. 55 Конституции РФ ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина. Поэтому возрастает роль системы конституционных терминов и их толкование. Следует признать, что до настоящего времени в юридической науке отсутствует однозначное понимание таких конституционных категорий, как «ограничение», «умаление», «отрицание», «отмена», «лишение» прав и свобод человека и гражданина. Например, В. В. Лазарев полагает, что «высокая степень ограничений означает умаление, а иногда — фактическую отмену»². Н. В. Витрук отмечает, что отмена прав и свобод человека скорее может быть осуществлена не прямо, путем отрицания их признания и защиты, а путем их умаления, т. е. принижения значения, необоснованного ограничения их содержания, действий по кругу лиц, во времени и в пространстве, сокращения гарантий их обеспечения и защиты либо созданием таких процессуальных процедур и механизмов, которые могут свести на нет право или свободу личности³. Трудно согласиться в полной мере с представленными позициями

о соотношении категорий «отмена», «отрицание», «умаление», «ограничение», особенно в части того, что умаление прав и свобод человека и гражданина происходит путем их отмены. Правоведы, анализируя нормы Конституции РФ, содержащие термин «ограничение прав», признают его неоднозначность как богатство содержания обозначенных им понятий⁴.

Неработанность вышеназванных терминов, отсутствие их четкого разграничения создают предпосылки для возникновения споров, коллизий, которые в рамках своей компетенции разрешает Конституционный Суд РФ. Отсюда очевидна необходимость представления научно обоснованной системы конституционных категорий, направленной на развитие теории ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина, что и является основной целью настоящего исследования.

Если обратиться к судебной практике, то в первую очередь следует назвать критерии ограничения конституционных прав, содержащиеся в правовых позициях Конституционного Суда РФ, так как в них сформулированы пределы вторжения законодателя в сферу конституционных прав человека, на что уже неоднократно обращалось внимание в литературе⁵.

⁴ См.: Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2005. С. 230.

⁵ См., например: Кондрашев А. А. Ограничения конституционных прав в Российской Федерации: теоретические подходы и политико-правовая практика // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7. С. 40—47; Лапаева В. В. Критерии ограничения прав человека с позиций либертарной концепции правопонимания // Журнал российского права. 2006. № 4. С. 23; Лазарев В. В. Ограничение права судебными решениями // Журнал российского права. 2018. № 6. С. 16; Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Рос-

² Лазарев В. В. Ограничения прав и свобод: теоретические и практические проблемы // Журнал российского права. 2009. № 9. С. 45.

³ См.: Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. С. 101.

Так, согласно постановлению КС РФ от 30 октября 2003 г. № 15-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» ограничения конституционных прав и свобод должны быть необходимыми и соразмерными конституционно признаваемым целям таких ограничений. При этом государство, обеспечивая баланс конституционно защищаемых ценностей и интересов, должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры. Важно и то, что публичные интересы, перечисленные в ст. 55 Конституции РФ, могут оправдать только такие правовые ограничения прав и свобод, которые отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, не имеют обратной силы и не затрагивают существо конституционного права. При этом необходимо исключить возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации.

Признавая значимость вышеназванных и иных правовых позиций Конституционного Суда РФ, следует, однако, обратить внимание на неоднозначность применения указанных критериев в каждом конкретном случае, что обусловлено, в частности, отсутствием единообразного подхода к пониманию конституционных терминов и оценки их содержания Конституционным

Судом РФ. Так, дискуссионным, по мнению правоведов, представляется решение Конституционного Суда РФ, в соответствии с которым федеральный законодатель правомочен предусмотреть иные по сравнению с уже установленными ч. 2 ст. 32 Конституции РФ ограничительными условиями осуществления избирательных прав в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, о чем более обстоятельно скажем далее.

Обратимся к анализу содержания статей Конституции, в которых употребляются определения, используемые в процессе ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина. В этом аспекте следует отметить следующие категории: «ограничение» (ч. 2 ст. 19, ч. 2 ст. 23, ч. 3 ст. 55, ст. 56 Конституции РФ); «умаление» (ч. 1 ст. 21, ч. 1—2 ст. 55, ч. 2 ст. 62 Конституции РФ); «отрицание» (ч. 1 ст. 55 Конституции РФ); «отмена» (ч. 2 ст. 55 Конституции РФ); «лишение» (ч. 3 ст. 6, ч. 3 ст. 35, ч. 1 ст. 40, ч. 1 ст. 47 Конституции РФ).

Возникает принципиальный вопрос: можно ли применять к вышеперечисленным категориям критерии, предусмотренные ч. 3 ст. 55 Конституции РФ?

Для ответа на него рассмотрим соотношение категорий, во-первых, «ограничение», «умаление» и «отрицание», а во-вторых, «ограничение», «лишение» и «отмена».

Относительно первой из указанных групп категорий отметим, что в юридической литературе или не различают понятия «ограничение» и «умаление», или выделяют такие критерии разграничения, с которыми трудно согласиться. Так, Б. С. Эбзеев предлагает понимать под умалением «уменьшение материального содержания основных

сийской Федерации. С. 239—240; Якифорова И. Д. Основные характеристики ограничения прав и свобод человека: теоретико-правовой аспект // Академический юридический журнал. 2002. № 4. С. 20.

прав»⁶. В. В. Лапаева, наоборот, полагает, что умаление означает «изменение не количественных, а качественных характеристик объекта», уменьшение критериальной и регулятивной роли прав для текущего законодательства, девальвацию их ценности для правовой системы и т. д.⁷ Следует согласиться с тем, что сами по себе ограничения прав не могут еще говорить об отрицании ценности права⁸. Действительно, умаление прав означает девальвацию их ценности, так как умаление по сравнению с ограничением означает лишь отношение к правам, изъян в правосознании законодателя или правоприменителя. Другими словами, речь идет об умалении или отрицании прав и свобод человека и гражданина как конституционной ценности. В литературе не уделяется внимание термину «отрицание» конституционных прав. Если обратиться к анализу ч. 1 ст. 55 Конституции РФ, то в отношении общепризнанных прав и свобод применяется «запрет» не только их умаления, но и отрицания, что лингвистически означает лишь отношение к ним. Возникает вопрос о различии между названными понятиями.

Практическая значимость рассматриваемых понятий очевидна, так как в процессе реализации конституционных прав между ними возможны коллизии. Полагаем, что в случае возникновения конфликтной ситуации, при которой приходится определять меньшую конституционную ценность конкретного права, последнее будет означать его умаление. Отрицание ценности конкретного права может происходить не-

зависимо от наличия необходимости разрешить коллизию между правами человека и определить приоритет одного из них. Например, отрицанием избирательного права можно считать невключение в законодательство нормы, однозначно позволяющей голосовать гражданам РФ, находящимся под домашним арестом. Тем самым законодательство отрицает ценность пассивного избирательного права у лиц, находящихся под домашним арестом, так как не рассматривает факт нахождения под домашним арестом как уважительную причину неявки на избирательный участок. Согласно ч. 1 ст. 66 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» участковая комиссия обязана обеспечить возможность участия в голосовании избирателям, участникам референдума, которые имеют право быть включенными или включены в список избирателей, участников референдума на данном избирательном участке, участке референдума и не могут самостоятельно по уважительным причинам (по состоянию здоровья, инвалидности) прибыть в помещение для голосования. Участковая комиссия также обеспечивает возможность участия в голосовании избирателям, участникам референдума, которые включены в список избирателей, участников референдума на данном избирательном участке, участке референдума и находятся в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых.

Права ни количественно, ни качественно не изменяются, если речь идет лишь об их умалении, т. е. уменьшении их значимости. Вместе с тем умаление прав, как правило, приводит к их неправомерному или необоснованному ограничению, что обуславливает в некоторой степени возникновение научной позиции об их отождествле-

⁶ Эбзеев Б. С. Введение в Конституцию РФ. М., 2012. С. 238.

⁷ См.: Лапаева В. В. Проблема ограничения прав и свобод человека и гражданина в Конституции РФ (опыт доктринального осмысления) // Журнал российского права. 2005. № 7. С. 20.

⁸ См.: Лазарев В. В. Указ. соч. С. 45.

нии⁹. Представляется, что различие между ними состоит в том, что при ограничении право рассматривается как регулятор общественных отношений, а в процессе умаления право понимается как конституционная ценность.

При этом порой при отсутствии факта ограничения прав неизбежно происходит умаление одного конституционного права для обеспечения другого. Можно привести пример умаления права на жизнь еще не родившегося ребенка. Законодательно предусмотренного ограничения права как регулятора общественных отношений не будет, так как родителям предоставляется выбор о признании или умалении ценности права на жизнь еще не родившегося ребенка. Согласно ст. 56 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» каждая женщина самостоятельно решает вопрос о материнстве. Искусственное прерывание беременности проводится по желанию женщины при наличии информированного добровольного согласия. Искусственное прерывание беременности проводится по желанию женщины при сроке беременности до 12 недель, по социальным показаниям — при сроке до 22 недель и независимо от срока беременности при наличии медицинских показаний.

Очевидна опасность скрытого умаления значимости конституционных прав, которое порой обосновывается необходимостью обеспечения иных конституционных ценностей, особенно достоинства как высшей ценности¹⁰. Например, возникают коллизии между неприкос-

новенностью, независимостью судьи и правом каждого на законный суд. Представляется, что при осуществлении правосудия в первую очередь должны обеспечиваться права и свободы человека, включая право каждого на судебную защиту, так как согласно ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью.

Наряду с изложенными ранее общими критериями ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина обратимся к судебной практике в части разрешения конкретных коллизий. Так, согласно постановлению КС РФ от 7 марта 1996 г. № 6-П по делу о проверке конституционности п. 3 ст. 16 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-I «О статусе судей в Российской Федерации» нельзя ущемлять право каждого на судебную защиту, так как реализация данного права важна и для судей, и для тех, кто пострадал от неправомерных действий. Поэтому положение о необходимости получения согласия квалификационной коллегии судей для возбуждения уголовного дела в отношении судьи правомерно и служит реальной гарантией осуществления конституционного права каждого на судебную защиту.

Согласно другой правовой позиции Конституционного Суда РФ цели только рациональной организации деятельности органов государственной власти, включая судебную, не должны создавать затруднения при реализации прав граждан и не могут оправдывать отступление от закрепленных в Конституции РФ и конкретизированных в процессуальном законодательстве гарантий права на судебную защиту¹¹.

⁹ См.: Комментарий к Конституции РФ / под ред. В. Д. Карповича. М., 2002. С. 380.

¹⁰ См.: Кравец И. А. Достоинство личности: диалог теории, конституционных норм, международных регуляторов и социальной реальности // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 123.

¹¹ См. постановления КС РФ от 15 января 1998 г. № 2-П по делу о проверке конституционности положений ч. 1 и 3 ст. 8 Федерального закона от 15 августа 1996 г. «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», от 20 июля 2012 г. № 20-П по делу о проверке

Интересна позиция Конституционного Суда РФ, в соответствии с которой право на судебную защиту ни в коем случае не может вступать в противоречие с целями, для обеспечения которых возможно ограничение конституционных прав и свобод согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Следовательно, право на судебную защиту не подлежит ограничению¹², что соответствует ст. 56 Конституции РФ.

Анализ вышеназванных и иных правовых позиций Конституционного Суда РФ позволяет сделать вывод о приоритетности права каждого на судебную защиту. Однако это не означает, что Суд всегда признавал не соответствующими Конституции РФ оспариваемые нормы закона в процессе анализа права каждого на судебную защиту (например, согласно постановлению КС РФ от 2 февраля 1996 г. № 4-П было признано соответствие положения п. 5 ч. 2 ст. 371 и ч. 3 ст. 374 УПК РСФСР Конституции РФ постольку, поскольку предусмотренные ими ограничения на пересмотр в порядке надзора постановлений Президиума Верховного Суда РФ не исключают возможности использования иных процессуальных средств исправления судебных ошибок), но это предмет самостоятельного исследования.

Таким образом, по вопросу о соотношении первой из вышеназванной группы категорий отметим, что в рамках системы конституционных ценностей отрицание исключает какую-либо значимость конкретного права человека и гражданина, а его умаление лишь ее сокращает. Умаление, как и отрицание прав есть лишь одна из форм или способов их ограничения как конституционной

ценности. Соответственно, требования ч. 3 ст. 55 Конституции РФ применимы не только к ограничению, но и к умалению или отрицанию конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Вторая из вышеназванных проблем относится к соотношению понятий «ограничение», «отмена», «лишение» конституционных прав и свобод человека и гражданина.

По вопросу об ограничении прав человека высказана позиция, в соответствии с которой в условиях чрезвычайного положения речь идет о приостановлении действия конституционных прав. Так, Т. Я. Хабриева и В. Е. Чиркин отмечают, что «в условиях чрезвычайных ситуаций осуществление субъективных конституционных прав может быть приостановлено»¹³. С данным выводом следует согласиться, поскольку такая мера носит ограниченный по времени характер, а лишение конституционных прав не предусматривает период, по истечении которого наступает восстановление возможности пользоваться данными правами.

В юридической литературе предлагают различать лишение и ограничение прав и свобод человека и гражданина в зависимости от наличия (ограничение прав) или отсутствия (лишение прав) свободной воли. Признается, что в условиях чрезвычайного положения некорректно употребляется понятие «ограничение», так как речь идет о лишении некоторых конституционных прав и свобод человека и гражданина¹⁴. Полагаем, что в процессе не только лишения, но и ограничения конституционных прав также отсутствует свободная воля чело-

конституционности положений ч. 1 ст. 125 и ч. 1 ст. 152 УПК РФ, от 16 апреля 2015 г. № 8-П по делу о проверке конституционности п. 3 ч. 1 ст. 26 Федерального закона «Об оружии».

¹² См. постановление КС РФ от 3 мая 1995 г. № 4-П.

¹³ Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. Теория современной конституции. М., 2005. С. 133—134, 146.

¹⁴ См.: Лапаева В. В. Проблема ограничения прав и свобод человека и гражданина в Конституции РФ (опыт доктринального осмысления).

века, так как любое ограничение основных прав осуществляется путем принятия федерального закона, реализация которого обеспечивается принудительными средствами государства.

Попытаемся доказать, что предложенный В. В. Лапаевой аргумент о возможности преодоления ограничения прав представляется малоубедительным. Так, автор отмечает, что «законодательство вводит запрет на пассивное избирательное право граждан РФ, имеющих двойное гражданство». Соответственно, гражданин РФ может отказаться от второго гражданства, если для него важнее возможность быть избранным в органы государственной власти на территории РФ. В приведенном примере отсутствует ограничение избирательных прав, так как речь идет об условиях его реализации или, как отмечается в юридической литературе, о пределах основных прав¹⁵. Аналогичное условие, а не ограничение конституционных прав предусмотрено в ч. 1 ст. 27 Конституции РФ, согласно которой каждому, кто законно находится на территории РФ, предоставляется право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства. Реализация данного права невозможна для тех, кто незаконно находится на территории РФ. Такого рода требования не означают ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина, так как право, оставаясь в качестве элемента конституционного статуса личности, порой не может быть реализовано без выполнения предусмотренных законодательством условий.

Рассмотрим вопрос о пределах ограничения прав и свобод человека и гражданина на примере конституционного права на жизнь.

Каждый человек имеет право на жизнь, что предусмотрено как ме-

ждународными актами, так и Конституцией РФ (ч. 1 ст. 20). Будет ли право на жизнь человека существенно ограничено в форме лишения данного права в случае отказа ему в лечении, в том числе путем проведения модификации его наследственного гена, при условии, что иные методы лечения не способны предотвратить для пациента наступление смертельного исхода. В данном случае речь идет не о лишении, а об условиях реализации права на жизнь в заданных законодательством и международными нормами параметрах. Очевидно, что изменение наследственного гена означает корректировку генома потомков данного пациента, которые не могут дать согласие на такую терапию. Права будущих детей испытуемого могут быть нарушены в случае модификации гена его родителей. Возникает этическая проблема о сопоставимости двух названных прав: испытуемого и его потомка. Необходимы контроль за проведением такого рода исследований и поиск оптимального баланса ценностей. Представляется, что можно в качестве исключения проводить корректировку даже наследственного гена, если нет иного медицинского способа сохранить жизнь пациенту, так как в случае его смерти исключается рождение его детей. Они будут лишены своеобразного «доступа» к праву на жизнь. Следует признать, что высказанные выше научные идеи автора требуют дальнейшего обсуждения и противоречат ст. 13 Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине 1997 г., в соответствии с которой «вмешательство в геном человека, направленное на его модификацию, может быть осуществлено лишь в профилактических, диагностических или терапевтических целях и только при условии, что оно не направлено на изменение генома наследников

¹⁵ См.: Эбзеев Б. С. Введение в Конституцию РФ. С. 37—38.

данного человека». Это положение представляется достаточно спорным в части абсолютного запрета на модификацию наследственного гена человека. В 1997 г. уровень развития научных методов отличался от современных достижений. Отсюда значительно повышается степень предсказуемости последствий проведения модификации гена человека, и поэтому в каждом конкретном случае необходимо применять принцип причинения наименьшего ущерба для человека. Очевидно, что такого рода корректировка наследственного гена может иметь как позитивные, так и негативные изменения. Исходя из этого, важно выработать моральную солидарность ценностей, на основе которой целесообразно принимать окончательное решение. При этом существенным фактором следует считать достижения науки, возможность предоставить прогноз последствий после проведения модификации гена человека. Приведенный пример также свидетельствует, что порой условия реализации конкретного права на жизнь пациента могут нивелировать само право, но эта проблема относится к самостоятельной теме исследования.

Следует согласиться с позицией Европейского суда по правам человека, в соответствии с которой лишение основных прав есть крайняя форма их ограничения. Развивая названную точку зрения, отметим, что критерий для разграничения данных понятий состоит в объеме ограничений. В случае исключения сущности права речь должна идти о его лишении. Сокращение объема полномочий, содержания права при сохранении его сущности означает лишь его ограничение. Определяющим критерием разграничения терминов «лишение» и «отмена» следует признать наличие или отсутствие неправомерных деяний. Отмена, как и умаление, права происходит по объективным основаниям, а лишение права возможно

лишь в случае наличия неправомерных действий или бездействия.

Перейдем к рассмотрению главного вопроса: при соблюдении каких условий развитие конституционных норм об ограничении прав в законодательстве будет соответствовать Конституции РФ, а при каких не будет, и позволяет ли принцип прямого действия Конституции РФ предусматривать иные по сравнению с конституционными нормами основания ограничения или лишения прав?

Как было сказано выше, по мнению Конституционного Суда РФ, любые ограничения конституционных прав должны быть соразмерными и разумными. Введение в законодательство новых, несоразмерных и неразумных ограничений права нарушает принцип прямого действия Конституции РФ, так как в ее ст. 18 права и свободы человека и гражданина признаются непосредственно действующими, они определяют смысл, содержание и применение закона, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

В данном контексте проанализируем избирательные права.

В соответствии с ч. 3 ст. 32 Конституции РФ не имеют права быть избранными граждане, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда. Законодательство пошло по пути расширения конституционно установленных ограничений избирательных прав со ссылкой на ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Более того, Конституционный Суд РФ, допуская возможность дальнейшего ограничения избирательных прав, полагает, что федеральный законодатель правомочен предусмотреть иные ограничительные условия осуществления избирательных прав в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нрав-

ственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Речь идет о постановлении КС РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией РФ постановления ЕСПЧ от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции РФ.

С таким выводом Конституционного Суда не согласна В. В. Лапаева, по мнению которой в ч. 3 ст. 32 Конституции РФ предусмотрены случаи лишения, а не ограничения избирательных прав. Отсюда следует вывод о невозможности предусматривать дополнительные основания лишения избирательных прав с учетом требований ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Данный аргумент представляется неубедительным, так как требования ч. 3 ст. 55 Конституции РФ распространяются на условия правомерности не только ограничения, но и лишения конституционных прав. Также следует уточнить, что ч. 3 ст. 32 Конституции РФ содержит основания не только лишения, но и отмены избирательных прав, поскольку применительно к гражданам РФ, признанным судом недееспособными, речь идет не о лишении, а об отмене этих прав в силу отсутствия неправомерного деяния со стороны названных лиц.

Вместе с тем трудно согласиться с рассматриваемой позицией Конституционного Суда РФ по другой причине. Речь идет о необходимости учитывать прямое действие Конституции РФ, что означает запрет введения новых оснований ограничения прав, если Конституция РФ уже установила их исключительный перечень или запрет лишения для конкретного права. Например, в соответствии с ч. 3 ст. 6 Конституции РФ гражданин РФ не может быть лишен права изменить гражданство. Согласно ч. 3 ст. 32 Конституции РФ предусмотрены лишь

два основания лишения избирательных прав, что означает возможность ограничения конституционных прав исключительно путем конкретизации положений ч. 3 ст. 32 Конституции РФ. При этом нельзя выходить за пределы конституционного смысла содержания данной конституционной нормы. Иначе создаются условия для необоснованного и произвольного расширения оснований лишения избирательных прав. Другими словами, в ч. 3 ст. 32 Конституции РФ речь идет об ограничении избирательных прав в форме их лишения и отмены, а в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ установлены условия ограничения и для лишения, и для умаления, и для отрицания, и для отмены прав и свобод человека и гражданина. Повторим, что основания лишения или отмены избирательных прав уже предусмотрены в ч. 3 ст. 32 Конституции РФ.

Можно сделать вывод, что в рамках обеспечения прямого действия Конституции РФ избирательные права граждан РФ могли бы быть в дальнейшем ограничены исключительно для достижения заложенной в Конституции РФ цели — устранение из избирательного списка тех граждан РФ, кто может исказить коллективную волю народа. Именно эта цель содержится в ч. 3 ст. 32 Конституции РФ, в соответствии с которой лишаются избирательных прав граждане РФ, признанные судом недееспособными. Очевидно, что данная категория граждан не имеет возможности сделать осознанный выбор кандидата, указанного в соответствующем списке. Если Конституционный Суд РФ путем толкования данной нормы придет к выводу, что дееспособность можно понимать не только как медицинскую, но и как правовую категорию, то это позволит исключить из списка избирателей граждан РФ, не способных в силу недостаточности правовых знаний сделать осознанный выбор из числа представленных кандидатов. Важно предусмотреть механизм

признания гражданина РФ недееспособным с правовой точки зрения, но этот вопрос не входит в предмет настоящей статьи. Отметим лишь, что окончательное решение о правовой недееспособности может принимать только суд. Данное предложение носит дискуссионный характер, но оно не противоречит прямому действию Конституции РФ и не выходит за пределы содержания ч. 2 ст. 32 Конституции РФ, предусматривающей исключительные основания лишения или отмены избирательных прав.

Обстоятельный анализ избирательных прав не входит в предмет настоящего исследования. Однако следует обратить внимание на то, что в ч. 3 ст. 32 Конституции РФ содержится также иная цель ограничения избирательных прав — наказание для тех, кто по решению суда находится в местах лишения свободы. Для достижения данной цели важно соблюдать принцип соразмерности содеянного мере наказания. Поэтому, например, лишение избирательных прав граждан РФ, подвергнутых административному наказанию за совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.3 и 20.9 КоАП РФ, и некоторые иные ограничения избирательных прав не

соответствуют в полной мере ч. 3 ст. 32 Конституции РФ и ее прямому действию.

Таким образом, можно сделать вывод, что положения ч. 3 ст. 55 Конституции РФ теоретически следует применять ко всем рассматриваемым в настоящей статье конституционным терминам, так как они по сути означают ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина. Вместе с тем сохраняются особенности разных способов и форм ограничения.

Например, лишение и отмена конституционных прав и свобод, предусмотренные в ч. 3 ст. 32 Конституции РФ, следует рассматривать как крайнюю форму ограничения избирательных прав и свобод человека и гражданина. Лишение, в отличие от отмены, прав человека происходит на основании правонарушения.

Об умалении или отрицании речь идет в случаях, когда право рассматривается как конституционная ценность. При отрицании исключается значимость конкретного права, а при умалении происходит лишь уменьшение его ценности, как правило, в случае необходимости определения приоритета при возникновении коллизии между конкретными правами.

Библиографический список

- Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. М., 2008.
- Комментарий к Конституции РФ / под ред. В. Д. Карповича. М., 2002.
- Кондрашев А. А. Ограничения конституционных прав в Российской Федерации: теоретические подходы и политико-правовая практика // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7.
- Кравец И. А. Достоинство личности: диалог теории, конституционных норм, международных регуляторов и социальной реальности // Журнал российского права. 2019. № 1.
- Лазарев В. В. Ограничение права судебными решениями // Журнал российского права. 2018. № 6.
- Лазарев В. В. Ограничения прав и свобод: теоретические и практические проблемы // Журнал российского права. 2009. № 9.
- Лапаева В. В. Критерии ограничения прав человека с позиций либертарной концепции правопонимания // Журнал российского права. 2006. № 4.
- Лапаева В. В. Проблема ограничения прав и свобод человека и гражданина в Конституции РФ (опыт доктринального осмысления) // Журнал российского права. 2005. № 7.
- Хабриева Т. Я. Конституция как основа законности в Российской Федерации // Журнал российского права. 2008. № 3.

- Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. Теория современной конституции. М., 2005.
- Эбзеев Б. С. Введение в Конституцию РФ. М., 2012.
- Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2005.
- Якифорова И. Д. Основные характеристики ограничения прав и свобод человека: теоретико-правовой аспект // Академический юридический журнал. 2002. № 4.

References

- Ebzeev B. S. A man, people, state in the constitutional system of the Russian Federation. Moscow, 2005. 574 p. (In Russ.)
- Ebzeev B. S. Introduction to the Constitution of the Russian Federation. Moscow, 2012. 560 p. (In Russ.)
- Khabrieva T. Y. Constitution as Basis of Legality in the Russian Federation. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2009, no. 3, pp. 3—11. (In Russ.)
- Khabrieva T. Y., Chirkin V. Ye. The theory of the modern constitution. Moscow, 2005. 320 p. (In Russ.)
- Kondrashev A. A. Limitations of constitutional rights in the Russian Federation: theoretical approaches and political-law practice. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2014, no. 7, pp. 40—47. (In Russ.)
- Kravets I. A. Human Dignity: Dialogue of Theory, Constitutional Norms, International Regulators and Social Reality. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 1, pp. 111—128. (In Russ.)
- Lapaeva V. V. Criteria of restriction of human rights from positions of libertarian notion feeling for law and order. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2006, no. 4, pp. 103—115. (In Russ.)
- Lapaeva V. V. Problem of limitation of the human rights in the Constitution of the Russian Federation. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2005, no. 7, pp. 13—23. (In Russ.)
- Lazarev V. V. Limitation of the Right by Judicial Decisions. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2018, no. 6, pp. 5—16. (In Russ.)
- Lazarev V. V. Limitations of Rights and Freedoms as Theoretical and Practical Questions. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2009, no. 9, pp. 35—47. (In Russ.)
- The commentary to the Constitution of the Russian Federation. Ed. by V. D. Karpovich. Moscow, 2002. 959 p. (In Russ.)
- Vitruk N. V. The general theory of a legal status of the individual. Moscow, 2008. 448 p. (In Russ.)
- Yagofarova I. D. The main characteristics of the restriction of human rights and freedoms: theoretical and legal aspect. *Akademicheskiiy yuridicheskiiy zhurnal*, 2002, no. 4, pp. 4—10. (In Russ.)
-
-